

Из Борживоевой легенды можно проверить лишь те известия, которые подкрепляются независимыми от нее письменными или археологическими источниками. Найти останки священника Каиха сейчас невозможно, но можно было бы ожидать, что сохранилась память о месте погребения Борживоя. Несколько поражает, что в Георгиевском монастыре («св. Йиржи») удержалась память о месте погребения княгини Людмилы, Болеслава Благочестивого и других чешских князей, но память о Борживое не сохранилась нигде. Из рассказа Кристиана вытекает, что Борживой был вассалом Святополка. Факт подчинения Чехии этому могущественному правителю Моравии есть историческая реальность. Некоторые историки, например Бретгольц, считали, что эта политическая подчиненность обуславливала и церковное влияние. Здесь нужно обратиться к помощи хронологии. Только для 890—895 гг. наличие вассальных отношений Чешского княжества к Святополку является твердо установленным фактом. О более раннем времени Ф. М. Бартош говорит: «Однако в 874 г. чехи вновь подтвердили свою подчиненность империи и пребывали в зависимости от нее столь крепко, что в 890 г. тогдашний хронист Регино посчитал нужным подтвердить, что верность, которую они обещали франкским королям, они сохраняли неизменно».¹² В годы господства Святополка над Чехией Мефодия уже не было в живых, а его ученики были изгнаны. Таким образом, нельзя установить синхронности между историческим несомненным владычеством Святополка над Чехией и предполагаемым влиянием на Чехию Пржемысловцев Мефодиевой церковной организации. Эта трудность проявляется в неустойчивости даты гипотетического крещения Борживоя. Первым определением этой даты на основе Кристиана и Регинона занимался Козьма. Он отнес это событие к 894 г. Но такая датировка, конечно, исключена, ибо уже прошло девять лет как умер Мефодий. Все прочие комбинации опровергаются хронологическим несовпадением времени политической зависимости Чехии от Моравии и эпохи деятельности Мефодия. Таблицу гипотетических дат крещения Борживоя, предложенных отдельными историками, мы находим уже в «Критическом опыте» Добровского; теперь такая таблица заняла бы несколько страниц. Но ценной она была бы только для познания психологии более ранних и новейших историков, действительную историю IX в. она никак не освещает.

Наконец, остается единственное доказательство существования Кристианова Борживоя — церковь или церкви, которые он якобы основал. Как мы уже говорили, этим же автор «Crescente» подкрепляет представление о двух наиболее ранних чешских князьях христианах — Спитигневе и Вратиславе. По «Crescente», Спитигнев строит два храма, Кристиан один из них приписал Борживою, будечский же храм св. Петра оставил за Спитигневом. В вопросе об основании первого в Праге — Богородицкого — храма есть разноречие между Кристианом и «Crescente». Большого доверия заслуживает здесь более ранняя легенда. Но если бы мы и посчитали этот вопрос спорным, то и тогда храм в Пражском Граде не дал бы нам никакого подтверждения Борживоевой легенды.

Единственный шанс закрепить образ Борживоя в исторической действительности заключен в данных о другом храме, о котором «Crescente» вовсе не упоминает: «*Quique reversi in sua, in castello, cui vocabulum inerat Gradic, supradictum sacerdotem statuunt, fundantes ecclesiam in honore beati Clementis pape et martyris multa detrimenta sathane ingerentes, populum Christo domino acquirescentes*». Это известие тем важнее, что стоит непосред-

¹² F. Bartoš. *Kníže Bořivoj*..., стр. 437.